

ГДЕ АМЕРИКА, А ГДЕ АРХАНГЕЛЬСК? ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК АМЕРИКАНСКИЕ КАПЕРЫ РАЗОРЯЛИ АРХАНГЕЛЬСКУЮ ТОРГОВЛЮ

Г. В. Тюрин

Летом 1778 г. Архангельск охватила тревога. Сейчас беда надвигалась с моря... Двадцать четвертого июля в губернском присутствии появился прибывший с мурманских промыслов помор Прокопий Кузнецов и «объявил» такую новость, что вскоре он предстал перед главным начальником губернии. А после этой беседы по питерскому тракту, сломя голову, поскакал курьер, в сумке которого лежали донесения губернатора императрице Екатерине и министру иностранных дел Н.И.Панину. А новость была действительно из ряда вон! В Баренцевом море около Нордкапа появились американские военные корабли — «каперы», которые захватывали, жгли и топили английские торговые суда на пути в Архангельск и обратно. Как и многие архангельские поморы, Кузнецов проводил лето «за рыбными тресковыми промыслами» на Кольском полуострове у острова Кильдин. В начале июля его артель обратила внимание на иностранный корабль, который пытался как-то необычно приблизиться к острову. Архангельские промысловики решили выяснить, в чем там дело? Может, помощь нужна... И верно, помощь требовалась немедленная. Они увидели почти неуправляемый корабль без канатов и якорей, а экипаж его составляла группа изможденных, еле живых иностранцев. «По некоторым знакомым им речам» поморы поняли, что судно английское. Поняли и то, как на этом корабле оказалась не одна, а восемь корабельных команд сразу. Отсутствие переводчика помешало им «в тонкости растолковать» обстоятельства захвата торговых судов американским капером, но Кузнецов все же понял «по многому корабельщика разговору и телодвижениям», что три корабля у Нордкапа были не только ограблены, но и уведены американцами в качестве трофеев. Кузнецов дал англичанам несколько мешков муки, а его артель завела судно в безопасную гавань за островом¹.

Через несколько дней в Кольский залив пришли с моря ладьи других промышленников, они уже своими глазами видели в море американский фрегат. С капера к ним приходил бот с вооруженной командой, которая искала на ладьях хлеб и табак, но не найдя ни того, ни другого, отбыла восвояси. Вскоре на Кильдин приехал

¹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12633. Л. 2—5.

кольский лекарь Кригер, владевший английским языком. Он записал рассказы английских «корабельщиков» о постигшей их беде, а Кузнецов, оставив промысел, который был в самом разгаре, поспешил в Архангельск, чтоб сообщить о случившемся властям. И через пять дней он уже стоял в губернаторском кабинете.

Доставленные помором сведения напугали не только губернатора, но и очень-очень многих горожан — кораблестроителей Соломбалы, служивых людей из порта, негоциантов и промышленников Немецкой слободы. Деловая жизнь в городе и, прежде всего в порту, можно сказать, стала замирать: об отправке торговых судов за море нечего было и думать, на приход их тоже не стоило надеяться... Так что обеспокоенность властей сложившейся ситуацией можно понять.

Однако сведения о работе на море не были для Головцына громом среди ясного неба. Кое-какую информацию, хотя и противоречивую, о капере в Архангельске, получали и раньше. Так, еще в начале июля штурман немецкого галиота Дефрау Угана доложил в портовой конторе, что «видел у Нордкапа под аглинским флагом американский капер, которой подошел к двум аглицким купецким судам, выпал из пушек, послал на оные шлюпки и повел за собою к берегу, к зюйдовой стороне... июня 29 числа». Но этим сведениям тогда не придали большого значения, на том основании, что шкипер того же галиота был осторожнее в выводах, заявив: «...А капер ли американский, о том заподлинно показать не может»¹.

Теперь же, когда стало известно о пленении и ограблении сразу нескольких английских судов, общая картина стала выглядеть совершенно по-иному. Губернатор, несомненно, знал о войне североамериканских колоний с Англией за свою независимость. Но где Америка, а где Архангельск?! Однако оказалось, что беспечный губернатор не сумел правильно оценить первые донесения об американском капере, проглядел, как далекая и чужая война начала гроыхать у границ России, а Русский север становился чуть ли не театром военных действий.

Американский фрегат целый месяц безнаказанно бесчинствовал в северных водах, нанося серьезный ущерб как английской, так и российской торговле. А именно такую цель и ставили здесь перед собой американцы. И их логику можно было назвать безупречной.

Главной силой англичан всегда и везде был флот, независимо от того, какие он выполнял задачи — боевые или транспортные. А в войне Британии с ее американскими колониями второе назначение флота можно смело поставить на первое место. Ибо только флот мог поставлять в Америку вооружение, живую силу, без флота английская армия в Америке оказывалась небоеспособной.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12633. Л. 2.

Но подорвать британскую мощь на просторах Атлантики американцам было явно не под силу. И тогда расчетливые янки решили нанести удар противнику с тыла... на путях снабжения его флота корабельными материалами. Расчет оказался верным! Снаряжение новых кораблей, боеспособность действующих тогда во многом зависели от поставок из России канатов, пеньки, смолы, мачтового леса, досок и других материалов, необходимых для строительства, ремонта и оснащения парусных кораблей — как военных, так и торговых — всех классов и рангов. Прервать эти поставки, — означало нанести весьма болезненный удар морским силам Британии. Вот почему в «окрестностях» Архангельска и появился американский капер.

В ту пору Россия была крупнейшим в мире производителем корабельных материалов и первым поставщиком их на европейский рынок. Канатов, например, она вывозила около 100 000 пудов в год. Стоимость других товаров исчислялась в десятках миллионов рублей. Причем, большая часть этих материалов, тех же канатов, смолы, мачтового леса, вывозилась через Архангельск, являясь продуктом местного производства.

Тогда чуть не половина территории Архангельска была занята канатными фабриками. Большинство из них принадлежало иностранным купцам. А мастера-специалисты канатного дела, порой даже рабочие, вербовались чуть ли не по всей Европе. Канатное производство быстро развивалось. Не случайно ведомости архангельской таможни открывались графой: «веревков смолных пенковых деланных в городе Архангельском...»¹

С началом войны Англии с восставшими колониями спрос на русские пеньку и канаты еще более возрос. Канатные фабрики стали работать на полную мощность и все равно не справлялись с английскими заказами. Не случайно в то же время правительству было заявлено несколько просьб о разрешении постройки в Архангельске новых канатных фабрик².

Точно так же обстояло дело и со смоляной торговлей. В южной части Архангельска находился обширный район, носивший характерное название — Смоляной Буян. Здесь выгружались и складывались смола и пек, сплавляемые по рекам из нескольких губерний. В иные годы на Смоляном Буяне высились штабели из 50—60 тысяч бочек смолы. И все они увозились за море в основном в трюмах английских кораблей.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 193. Ведомость Архангельской таможни об отпускаемых за море российских товарах. Л. 18.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12684 (февраль 1778 г). Дело о разрешении английскому купцу П.Баннеру открыть в Архангельске новую канатную фабрику. В эти же годы в Петербурге было подано еще несколько прошений на строительство канатных фабрик в Архангельске, о чем свидетельствует переписка Архангельской губернской канцелярии с Мануфактур-коллегией (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13729. Л. 1).

За несколько лет до войны американских колоний с Англией российский Сенат, оценивая англо-русские отношения, так подытожил эти связи: «Сохранение английского флота и расширение его, вызванное... войнами на море, покоилось в значительной степени на одних лишь русских произведениях»¹. Похоже, что американские конгрессмены, планируя каперские операции против Англии, знали об этом не хуже русских сенаторов.

Но попытка американцев ударить по торговле англичан через Архангельск, означала удар не только по английскому флоту, но и по русской торговле тоже. Причем, удар весьма серьезный. А если учесть, что экспортные операции через северный порт были связаны с капиталами петербургской знати и чиновничьей верхушки, то положению Головцына не позавидуешь, оно действительно оказалось хуже губернаторского! С одной стороны, — интересы державы, с другой — терявшие прибыль всемогущие чиновники, с третьей — разоряющиеся местные купцы и промышленники.

Поэтому первые же письма губернатора в Петербург с тем же курьером были отправлены, кроме императрицы и графа Панина, другим влиятельным адресатам: генерал-прокурору, главе Коммерц-коллегии. И всех он упреждал, что «сии обстоятельства (т.е. нападение капера) клонятся к повреждению коммерции». А по части коммерции губернатор, судя по всему, был сам не промах. В этом плане весьма характерно его письмо некому чиновнику Фон Боуману: «Секретно! Как Ваше высочородие равное со мною соучастие в Онежском на казенном производстве торгу иметь изволят, то я не мог оставить Вас безызвестным...» И далее идет уже знакомый нам рассказ об американском фрегате².

Естественно, что в этой ситуации надо было обладать полной и достоверной информацией о действиях капера. Но сведения с моря поступали весьма скудно. Тогда губернатор обязал коменданта Новодвинской крепости собирать письменные рапорты у всех пришедших с моря карбелыщиков. Вскоре и это показалось ему недостаточным, он распорядился доставлять всех хозяев пришедших судов к нему лично. Затем срочно был отправлен нарочный в Колу, с предписанием для кольского комиссара собрать сведения об американском капере среди поморов, а также взять у англичан «собственноручную записку, в которой бы они подробно и обстоятельно, сами и на своем языке описали бы «все о себе и своих бедственных от американцев приключениях»³. Головцын полагал, что кольский лекарь недостаточно хорошо знал английский, и хотел получить сведения, как говорится, из первых рук.

¹ Цит. по кн.: Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М., 1966. С. 26. О том, что Россия по существу в одиночестве снабжала европейский рынок пенькой, смолой, лесом и пр. материалами, необходимыми для кораблестроения, писал русский посланник в Гааге Д.А.Голицын. См.: Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. С. 61.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12634. Л. 6.

³ Там же. Л. 12.

Нарочный англичан в Коле уже не застал, но рапорт из Колы дал Головцыну кое-какие подробности о событиях тех дней в Баренцевом море. Об этом в Кольской канцелярии со слов капитанов Вильяма Мартенса и Вильяма Фрая было записано следующее: «Против Нордкапа и нашел на них американский корабль, на котором было матросов сто пятьдесят человек, пушек двадцать». Восемь матросов американцы пленили, пятерых оставили, а «якоря, парусы и провизию обрели на американской корабль всю без остатка, а оставили только... хлеба шестнадцать фунтов, один якорь малой, парусов старых шесть». Таким же образом американцы «обрели» еще семь судов, из «которых четыре корабля взяли... без людей — рассекали по бокам дыры... Три корабля взяли оные американцы с собой...» А из экипажей «со всех семи карбелыщиков оставили на ево Мартынсе карбеле семь карбелыщиков, семь штурманов, матросов дватцать четыре человека, а всех будет с ним и ево штурманом и матрозами сорок три человека... Сколько взяли с собой знать не могут...»¹.

В Коле английским морякам была оказана посильная помощь. Якорей и парусов там не нашлось, но им продали муки, хлеба, вина, масла, мяса. Дали даже живых баранов и кур. Правда, по мощь эта, как это нередко бывает в России, не вся попала по назначению. Цолнер кольской таможенной заставы Феокист Рукавишников, придравшись к какой-то формальности, отобрал у англичан продукты, что послужило впоследствии причиной шумного скандала, дошедшего до самой Екатерины (любопытно, что разбираться с этим делом пришлось А.Радищеву, служившему в это время коллежским асессором в Коммерц-коллегии, а вскоре перешедшему в таможеню).

Кроме рапорта, губернатор получил из Колы и составленный со слов англичан реестр кораблей, подвергшихся нападению. Но в этом списке названия английских судов и имена капитанов оказались серьезно искажены (похоже, опасения Головцына насчет точности перевода показаний потерпевших были небеспочвенны). Уточнить эти данные помогли письма, посланные англичанами из Колы своим компаньонам в Архангельск.

Хронологически же события у Нордкапа развивались так. Все восемь «купцов» были захвачены капером в период с 20 июня по 10 июля. Причем, за некоторыми из них фрегату пришлось гоняться по 15—18 часов. Часть плененных судов была уничтожена: бриг «Читам» сожжен, шлюп «Гуд Инстент» и бриг «Джордж» потоплены. Бриг «Архангел» и пакетбот «Дик» были отправлены во Францию, «Сали» — как трофей в Америку. Разная участь постигла и экипажи захваченных судов. Кого-то из английских моряков американцы оставили у себя в качестве заложников, а остальных свезли на «Лион» и разрешили им на этом корабле вернуться в Англию или добраться до Архангельска.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12634. Л. 22.

По письмам установлено и название американского капера «Генерал Мифлин», командовал им капитан Даниэль Макнел, снаряжался фрегат в ненавистном для англичан Бостоне.

Английские моряки были весьма невысокого мнения о выучке их коллег с американского капера. Вот как шкипер Питер Симандсон оценивает экипаж фрегата: «Хуже корабельных служителей, каковы на этом корабле имеются, не думаю, что я на моем веку видал, хороших матросов не более двадцати человек...»¹. Но эта информация вряд ли представляла интерес для компаньонов шкипера в Архангельске, а вот сведения о том, где и как крейсировал «Генерал Мифлин» («между Нордкапом и Вардегусом в 6 милях от берега»), были несомненно ценными. Их стоило взять и расчет при прокладке курсов, чтоб избежать встречи с капером. Заслуживала внимания и информация о том, что капер не намерен был долго задерживаться в Баренцевом море. Американцы собирались захватить здесь еще двух—трех «купцов» с грузом, а затем убраться подальше. Впрочем, это могла быть и спланированная дезинформация. Скорей всего, так оно и было, а иначе — с какой это стати команда капера начала делиться секретными сведениями с пленными англичанами.

К разряду «дезы», видимо, следует отнести и разговоры среди экипажа фрегата о том, что «Генерал Мифлин» действует на севере не в одиночку, что американское правительство планирует послать в Баренцево море еще несколько боевых кораблей. Приводилось даже название одного — «Минерва», который «двадцатью шести фунтовыми пушками вооружен»².

Подбрасывалась англичанам «информация» и о том, что Нордкап — не единственный район действия американских каперов. Что «еще семь или восемь американских каперов между... Шетландией и Ян-Майном крестуют для взятия Грундландских кораблей, идущих домой»³.

На войне все сгодится, полагал капитан Макнел, ведя такие беседы с пленными англичанами, страх вызывают не только пушки, но и слухи о них, и чем больше слухов, тем шире у страха глаза... Но, похоже, что американский капитан не очень-то и сочинял, устрашая пленников. Его коллега — Поль Джонс, бывший английский капитан, предложивший свои услуги конгрессу США в качестве капера, в том же году, совершил невероятный по дерзости рейд. И не где-то на задворках океана, а во внутреннем,

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12634. Л. 58об.

² В пользу того, что это была дезинформация, свидетельствует то, что в письмах англичан приводились противоречивые сведения. Так, капитан Вильям Варинг в письме, адресованном на имя купца Бенина в Архангельск, писал о 7 или 8 каперах (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12634. Л. 56об.), а в письме Питера Симендсона к Р.Ферклифу фигурируют лишь два американских корабля. Он же добавляет о том, что «Генарал Мифлин» — это тот самый капер, «который в прошлом год в канале был». Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 56об.

можно сказать, для Англии море — Ирландском. Здесь у Уайтхеймена он высадил десант, захватил два форта и привел на них в негодность все пушки и только по счастливой для англичан случайности не смог сжечь все корабли в гавани. Об этой отчаянной экспедиции узнала не только вся Англия, но и континентальная Европа. На этом фоне заслуги капитана Макнела выглядят скромнее. Но дело не в размере трофеев или нанесенного ущерба, главное — в другом: в 1778 г. поставки русских товаров в Англию через Белое и Баренцево моря практически прекратились.

Торговля замерла. Производство стало останавливаться. Все склады в порту были забиты товарами. Ситуация стала еще более гнетущей, когда пришли вести, что Америка заключила союз с Францией, и последняя вступила в войну с Англией. Русское правительство не хотело терять доходы от архангельской торговли. Оно понимало, что если не будут предприняты надлежащие меры, то следующим летом напуганные каперами английские (да и другие тоже!) купцы не появятся на своих судах на рейде Архангельска.

Чтобы успокоить, говоря языком современным, общественное мнение, императрица направляет Головцыну высочайший рескрипт: «Известясь через Ваши донесения о замешательстве, последовавшем в торговле Архангелогородского порта через появление в стороне Нордкапа одного американского капера, который перехватал уже восемь английских судов, охотно желали б мы ныне положить оному скорой и совершенной конец, (писала Екатерина архангельскому губернатору) но как позднее годовое время не дозволяет на сей час употребление активных мер, то... начали мы от сей поры помышлять и пешишь о достаточном и надежном на будущей год ограждении... кораблеплавания к городу Архангельскому, о чем вы всему там находящемуся иностранному купечеству точно объявить можете, для успокоения онаго, для благовременного заморских корреспондентов уведомления, чтоб они по поводу случившегося летом неустройства отнюдь не останавливались в своих спекуляциях: но с полною надежностью давали на будущий год свои комиссии и присылали за товарами потребные корабли, ибо со стороны двора Нашего к обеспечению хода их в стороне Нордкапа, и всех вообще норвежских берегов, — будут благовременно приняты достаточные осторожности, в чем и Королевской Датской двор, по всей вероятности, не отречется нам с своей стороны способствовать, по равным интересам собственной его торговли»¹.

Этот рескрипт ознаменовал определенное изменение в отношении русского правительства к случившемуся. Если поначалу Екатерина II лишь негодовала («Первый, кто затронет архангельскую торговлю в будущем году, жестоко поплатится за это!»)², то уже к

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12615. «Предложение губернатора и копия журнала заседания присутствия об объявлении рескрипта о появлении в стороне Норвегии американского капера...»

² Цит. по: Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. С. 158.

осени 1778 г. была выработана позиция, которая в итоге привела к принятию 28 февраля (10 марта) 1780 г. декларации о вооруженном нейтралитете.

При этом Головцыну предписывалось объявить рескрипт всему иностранному купечеству в Архангельске, чтоб оно «не останавливалось в своих спекуляциях». Но губернатор проявил инициативу — приказал магистратам «учинить таковое же объявление и российским купцам». Магистраты тут же взяли под козырек и заставили поголовно весь торговый люд Севера выслушивать рескрипт «о матернем всех купцов торгующих за морем попечении»¹, а затем и расписаться об этом в особой ведомости. Дойти до каждого — такую цель поставил губернатор перед чиновниками. И ведь дошли! Об этом сегодня свидетельствуют десятки архивных страниц с тысячами подписей архангельских, холмогорских, шенкурских, яренских, устюжских, сольвычегодских, вологодских и прочих краев купцов и мещан². Так тысячи русских людей узнали о том, что где-то там за океаном восстали и стали свободными «Американские селенья».

Но вот что интересно. Эта история имела немало последствий, послужив развитию международного (в частности морского) права, придав новый импульс контактам севера России с Норвегией, способствовав изучению географии северных морей. Эта история с каперами также дала начало, а затем пронизала и связала множеством явных и тайных нитей самые разные пласты российско-американских отношений. Как в масштабах страны, так и применительно к Архангельску.

Одним из тех, кто оставил свою подпись в особой ведомости, что ознакомился с рескриптом государыни о «матернем над архангельской торговлей попечением», был Ксенофонт Анфилов — молодой купчик из городка Слободской Казанской губернии (стараниями Головцына рескрипт стал известен не только купцам и мещанам Архангельской, но и всех губерний, торговые интересы которых были связаны с архангельской торговлей). Трудно сказать, что думал тогда только встающий на ноги Ксенофонт об «американских селениях», восставших за океаном. Но известно достоверно другое. Это именно он, Ксенофонт Анфилов, став матерым купцом, в начале XIX в. отправит в Америку первые русские торговые суда. Именно на верфях Архангельска были построены одни из первых кораблей военно-морского флота США. Потом в Архангельске появится первое американское консульство, а вслед за ним — первые в России американские торговые дома.

Но это уже другая история. И рассказ о ней впереди.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 12633. Л. 129.

² Там же. Л. 129—165.